

Алла Викторовна РЯБКОВА¹

УДК 81'42

КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРИЗНАКА ЦВЕТА В РУССКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

¹ кандидат филологических наук,
доцент кафедры иностранных языков
и межкультурной профессиональной
коммуникации гуманитарных направлений,
Институт истории и политических наук,
Тюменский государственный университет
ARiabkova@mail.ru

Аннотация

Данная статья представляет собой взгляд на проблему концепта и концептуализацию признака цвета в межкультурном лингвистическом пространстве. Экспликация процесса концептуализации и наполнения содержанием концептов происходит при погружении в работу психических ресурсов сознания и информативных структур человека, которые рефлектируют его знание и опыт, а поскольку человек сам по себе интеллектуален и индивидуален, но в то же время живет и формируется как личность в определенном социуме, впитывая его традиции и культуру, он создает свою языковую картину мира. Поэтому знакомство с языковой картиной мира любого этноса — это условие знакомства с национальной культурой, с национальным менталитетом.

Концептуализация признака цвета изобилует этнокультурными специфическими чертами, эти особенности формируются под влиянием географических, исторических, социально-динамических факторов. Коннотация цвета связана с этническим цветовым менталитетом. На основании приведенных в статье примеров, связанных с описанием концептуальных признаков черного и красного цветов, а также их актуализации с использованием языковых средств, можно констатировать факт субъективного восприятия названных признаков, сформированных в определенной этноментальной социосреде.

Цитирование: Рябкова А. В. Концептуализация признака цвета в русском и немецком языковом пространстве / А. В. Рябкова // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2016. Том 2. № 4. С. 67-77.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-67-77

Актуальность работы определяется растущим интересом к проблеме цветообозначения и исследуется с точки зрения разных аспектов, в том числе структурно-семантического и когнитивного. Новизна исследования состоит в сопоставительном описании цветообозначения на материале текстов русской и немецкой художественной литературы при концептуально-ситуативном подходе в этноментальном осмысливании контекста. Практическое применение данная работа может найти в теоретических курсах по когнитивной лингвистике, переводоведению, культурологии, а также в практическом переводе художественных текстов.

Ключевые слова

Картина мира, концепт, актуализация, этнос, менталитет, цветовое обозначение, интерпретация.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-67-77

Возросший в последнее время интерес к проблеме цветообозначения и концептуализации признака цвета в различных языках определяет ее актуальность и нацеливает на изучение в плане семантических структур и формирования смыслов. Человек по своей сути индивидуален, и в то же время он является частицей определенного этноса; он есть существо, наделенное интеллектом, поэтому не прекращается его когнитивная деятельность, с которой связана категоризация человеческого опыта, поскольку содержательная информация, полученная в процессе познания и ставшая продуктом интеллектуальной обработки, находит свое выражение в языковых формах.

«Языковое сознание вообще и значение слова как его фрагмент есть форма структуризации и фиксации общественного опыта людей, знаний о мире..., форма презентации и актуального удержания знания в индивидуальном сознании» [4, с. 36]. Таким образом, у человека создается определенное представление об окружающем мире. Понятие «языковая картина мира» трактуется учеными по-разному, исходя из целей исследования и интересов, и наполняется различным содержанием, подразумевая отличное от других толкование, но каждое из них эксплицирует определенный смысл, вкладываемый в столь образное и часто используемое определение в рамках данной проблемы.

В лингвистике «картина мира представляет собой оформленную систематизацию плана содержания языка. Любой национальный язык выполняет несколько основных функций: коммуникативную, информативную, эмотивную, функцию фиксации и хранения всего комплекса знаний и представлений данного языкового сообщества о мире» [3, с. 4]. Т. к. человек всю свою сознательную жизнь проводит не в закрытом пространстве как в капсуле, а активно живет, выполняет какие-то социальные функции и мыслит при этом, то его когнитивную деятельность можно рассматривать как развивающую умение ориентироваться в мире. Эта деятельность сопряжена с необходимостью отождествлять и различать объекты, для чего существуют когнитивные единицы разного формата,

в частности, концепты. «Концепт являет собой относительно стабильный и устойчивый когнитивный слепок с объекта действительности, т. к. концепт связан с миром непосредственно» [6, с. 30]. «Экспликация процесса концептуализации» свойственна человеку. Любой «концепт окружен эмоциональным, экспрессивным, оценочным ореолом, это тот пучок представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, которые сопровождают слово и выражаемое им понятие» [6, с. 28]. Кроме того, «концепты — ментальные сущности», отражающие мировоззрение того или иного этноса.

Важно знать, что не все лексические единицы, не всякое имя-обозначение явления есть концепт. Ими становятся только те явления действительности, которые актуальны и ценны для данного этноса, для его традиций и культуры, т. е. имеют большое количество лексических единиц для своей фиксации, являются темой пословиц, поговорок, поэтических и прозаических текстов, являются носителями культурной памяти народа.

Д. С. Лихачев определил концепт как «результат столкновения значения слова с личным и народным опытом человека», т. е. тот является посредником между словом и действительностью [5, с. 32]. Любой концепт вбирает в себя обобщенное содержание множества форм выражения в естественном языке, а также в тех сферах человеческой жизни, которые представлены языком и немыслимы без него; это результат соединения словарного значения слова с личным и этническим опытом человека. Концепты, по мнению Лихачева, возникают в сознании «как отклик на языковой опыт в целом» [5, с. 49].

Совокупность всех концептов, данных человеческому интеллекту, систематизированных на определенном ментальном уровне в упорядоченную структуру, представляет собой концептуальную систему. Для ее образования необходимо существование первичных или базовых концептов, из которых развиваются другие. Концепты как интерпретаторы смыслов постоянно подвергаются модификации. Они «представляют собой реализуемые сущности в начале своего появления, затем становятся частью концептов и видоизменяются» [7, с. 91]. Например, выделенный базовый концептуальный признак красного цвета, исходя из параметров интенсивности, распадается как на концептуальные, так и на лексико-сематические: красный (алый) интерпретируется как кровь (героический цвет), кумачевый (темно-красный) — цвет символики: знамени, революции.

В каждом варианте наблюдается концептуализация определенных, дополнительных к базовому, признаков цвета и предоставляется выбор из лексико-семантического ряда нужной лексемы: багряный, пунцовый, пурпурный, червонный. В немецком языке отсутствуют некоторые лексические эквиваленты при концептуализации признака цвета. Например, красный (*rot*), у которого варианты лексико-семантического ряда, в сравнении с русским языком, несколько ограничены и выстраиваются в основном как деривационные модели, типичные для немецкого языка (сложение основ): *blutrot* (кровавый), *rothaarig* (рыжий), а также как модели компаративных словосочетаний: *rot wie ein Mohn* (красный как мак).

Более того, возможности интерпретации концептов в отношениях разных ситуаций указывают на то, что количество концептов и их информативно-содержательная емкость изменяются. «Т. к. люди постоянно познают новые вещи в этом мире, а мир постоянно изменяется, человеческое знание должно иметь такую форму, которая смогла бы быстро приспосабливаться к этим изменениям», поэтому основная единица передачи и хранения такого знания должна быть достаточно гибкой и подвижной [13, с. 21].

Знакомство с языковой картиной мира любого этноса — основное условие знакомства с его культурой, с национальным менталитетом. В пространство понятия «языковая картина мира» включается также и семантика цветообозначения разных народов мира, поэтому цвет, воспринимаемый определенным народом, имеет свою окраску, свое значение, которое не совпадает со значением других слов. Именно смысл, вложенный в слово, обозначающее конкретный цвет, формирует и отражает индивидуальную цветовую картину мира.

Северные народы, к примеру, предпочитают холодные цвета: синий, голубой, белый — это связано с природными и географическими условиями их проживания, а также некоторые теплые — желтый, бежевый, которые ассоциируются у них с солнцем как Божеством, дающим свет, тепло и являющимся важной жизненной ценностью. Отсюда в их символике, в орнаментах предметов быта присутствуют именно эти цвета.

Лингвисты уделяют достаточное внимание изучению понятия цвета. Во-первых, важна его связь с многообразием окружающего мира; во-вторых, с когницией создаваемой человеком картиной мира. «Концептуализация цвета наполнена культурно-специфическими цветами» [14, с. 111]. Культурная специфика формируется посредством совокупности ряда факторов: географических, исторических, лингвистических. «Культура проверяется языком», как утверждает Тер-Минасова [10, с. 7], поэтому цвет и его коннотации неразрывно связаны с этническим цветовым менталитетом.

Восприятие цвета объективно и в то же время у каждого человека индивидуально, т. к. цветообозначения отличаются, кроме всего прочего, еще и эмоциональным воздействием, что занимает важное место в формировании ценностной картины мира как социума в целом, так и отдельного индивида. Для выявления языковых средств актуализации концептуальных признаков, к примеру, черного цвета и определения его места в цветовой картине мира русского и немца, необходимо обратиться к художественным текстам:

“In der dunklen schwarzen Ferne bemerkte Katszinsky eine langsam nähernde Gestalt. Der Schock versetzte ihn, als er dieses Schreckengespenst gesehen hatte. Das war eine Frau, ihr Gesicht, ihr Rock und die Jacke waren schwarz, sie reichte ihre Hände ... , sie waren auch schwarz Der Krieg, verluchter ... Krieg ... dachte Katszinsky” («В темной, черной дали Кочинский заметил медленно приближающийся силуэт. Ужас овладел им, когда он увидел страшное приведение. Это была женщина, ее лицо, юбка жакет были черными, она протянула руки, они были тоже черными..., война, проклятая война, — подумал Кочинский») [8, с. 129].

«Трудно было Тихону представить, глядя на пепелище, что здесь была красивая деревня, здесь жили люди, радовались своему маленькому счастью, хорошему урожаю... , сквозь скупую проступившие слезы он видел перед собой зияющее мертвое черное пространство...» [11, с. 401].

В первом тексте черный цвет рефлектирует свое истинное предназначение. Он служит мрачным фоном для описания общей обстановки, а также внешности внезапно появившейся из темноты женщины, у которой и лицо, и одежда были черными. Этот образ в данном контексте ассоциируется с войной, а концептуальный признак черного цвета — с ужасами войны. Второй пример переключается с первым, но строится на контрасте: вместо красивой деревни, счастья, радости и хорошего урожая — зияющее, мертвое, черное пространство.

Базовый концептуальный признак черного цвета — классическая строгость, конкретность, но если обратиться к его эмоциональной характеристике, то можно установить целую палитру эмоционального и психического воздействия на человека. Исходя из основных эмоционально-оценочных параметров, концептуальный признак черного цвета актуализируется как пессимистический, трагический, подавляющий, угнетающий, часто ассоциирующийся с концептом «война». В этом случае можно говорить об универсальности концептов «черный» и «война» в восприятии как русского человека, так и немца.

У каждого народа существуют особые соотношения между концептами, которые могут сходиться и расходиться, что создает основу национального мировидения, в том числе в цветовом многообразии. В приведенных примерах на немецком и русском языках они совпадают. Но есть специфические, этноцентрические концепты, ориентированные на определенный этнос. Невозможно на естественном языке описать мир «как он есть», т. к. изначально язык задает своим носителям определенную картину мира. М. И. Цветаева писала, что «иные вещи на ином языке не думаются» [11, с. 207]. Аналогичной точки зрения придерживается А. Вежицкая в отношении чувств: «Не только мысли могут быть продуманы на одном языке, но и чувства могут быть испытаны в рамках одного языкового сознания, но не другого» [1]. В этом смысле и цветовое восприятие, и ощущение как эмоциональная составляющая могут различаться и рефлектироваться в сознании человека по-разному.

В немецком языке, например, есть словосочетание “Schwarz sehen” (быть пессимистом, видеть все во мраке, отсюда Schwarzseher — пессимист); в русском языке эквивалентом является заимствование «пессимист, пессимистически смотреть на что-либо», а выражение «видеть все в черном цвете» менее популярно. В данном случае при концептуализации цветового признака в русском и немецком языках наблюдаются некоторые разобщения, а в следующем примере существует полное совпадение: “Auf die schwarze Liste kommen” — «попасть в черный список». В обоих языках смысловое наполнение одинаково, это означает «попасть в список подозреваемых» (неблагонадежных), равнозначен также и лексико-семантический набор.

В немецком языке существует фразеологизм: “Das schwarze gönnen unter dem Nagel” — «не желать, не дать, не оказать, не представить даже маленькой помощи, мелочи, поддержки кому-либо». В русском языке существует равный по смыслу эквивалент: «Зимой снега не выпросишь у кого-либо». В обоих примерах речь идет о чертах характера человека — жадности и алчности. Немецкое выражение “Das Schwarze unter dem Nagel” (чернота под ногтем) не обнаруживает в русском языке цветовой эквивалент и переводится как «грязь под ногтем».

Исторически сложилось, что красный цвет в жизни человека играет важную роль, и не случайно слово «красный» появилось во всех языках почти одновременно после универсально-нейтральных обозначений «черный» и «белый». Одна из версий появления этого цветообозначения в русском языке сводится к слову «красивый» (особенный, эмоционально-воздействующий, яркий).

Этимологический словарь Дудена указывает на то, что слово «красный» как цветообозначение пришло из ближневосточных языков в романские, а затем и в европейские. *Porqatra* (греч.) *purpura* (лат.) — название улитки, обладающей красящим красным свойством, которое люди использовали как темно-красный краситель. В это же время, наряду со словом «красный», в лексикон русского языка вошло слово «пурпурный», хотя уже существовал целый ряд оттеночных обозначений красного цвета: пунцовый, червонный, багряный, алый, кумачовый. В немецком языке также сложился подобный ряд оттеночных обозначений, но он строился по принципу образования деривационных моделей (*hochrot*, *rubinrot*, *glutrot*) или компаративных структур (*rot wie Blut*, *rot wie Rubin*). Подобные формы существуют и в русском языке (красный как малина — малиновый; красный как кумач — кумачовый).

Красный цвет очень значим для человека, он символизирует саму жизнь. По своему смысловому наполнению кровь бывает разной — вражеской, больной, жертвенной, невинной, героической, поэтому сложился семантический оттеночный ряд красного цвета: от алого (ярко-красного) до багряного (темно-красного). Таким же образом произошла концептуализация красного цвета в христианстве. Искупительная (ярко-красная) кровь Христа символизирует жертвенность как в русском, так и в немецком церковном языковом употреблении.

Стоит заметить, что красный цвет считался очень популярным в русских и германских культурно-исторических традициях. И. Грабарь отмечал, что «чертой же, преимущественно свойственной времени Ивана Грозного, являлся яркий алый цвет, который выскакивает из общей низкой тональности желто-коричневых охр» [2]. Исторически сложившаяся германская этническая символика воспринимает красный цвет как символ памяти предков и христианской жертвенности.

С 1917 г. в русском (советском) обществе господствовала коммунистическая идеология. Духовное пространство России было пронизано коммунистическими идеями и атрибутикой, где красный цвет был самым популярным (Красная армия, красное знамя).

Рассмотрим примеры концептуальных признаков актуализации лексемы «красный» в немецком и русском языках:

“War so etwas möglich? In Berlin? Die Röte flog in sein Gesicht. Gegenüber... wehte im frischen Wind lustig, wie die selbstverständlichste Sache der Welt... eine blutrote, blutrote Flagge!” («Да разве возможно что-либо подобное? В Берлине? Краска залила его лицо. Напротив... весело разливался в посвежевшем воздухе, как нечто само собой разумеющееся... кроваво-красный, алый как кровь флаг!») [8, с. 292].

Словосочетание “die Röte in Gesicht” (красное лицо) актуализируется как действенное ощущение, покраснение, которое происходит по причине эмоционального подъема (восторг, волнение, испуг):

«Взглянув на ребенка, на пылающую красноту маленького тельца, Марья сразу все поняла...». [12, с.76].

В данном случае лексема «краснота» указывает на физическое состояние больного ребенка, а лексема «пылающая» выполняет атрибутивную функцию, усиливая и дополняя семантическую емкость.

Словосочетание “rot sehen” (рассвирепеть, разгневаться, озвереть), актуализирует семантику чрезмерно волнительного, озлобленного гневного состояния:

“Jedesmal, wenn ich diesen Kerl sehe, sehe ich rot. Ich muß an mich halten, nicht auf ihn zu stürzen” («Всякий раз, когда я вижу этого типа, я буквально зверею. Приходится брать себя в руки, чтобы не броситься на него») [15, с. 55].

В следующем примере употребляется оттеночный вариант красного цветообозначения «багровый» (темно-красный, насыщенный цвет):

«Побагровев от услышанного, Никита выругался и метнул топор в дверь» [12, с. 204].

Лексема «побагровев» происходит от слова «багровый» (красный) и актуализирует эмоциональное состояние человека, который услышал нечто ужасное, возможно оскорбительное. Затем следует типичная для русского мужика реакция: покраснение, ругательство и неадекватное действие — летит топор в дверь. В обоих примерах описываются признаки психического состояния человека и его психическая эмоциональная реакция в определенной ситуации.

Своеобразен особый ряд лексического арсенала любого языка, который указывает на его этноментальную специфику. Возьмем для примера поговорку “Heute rot, morgen tot”, русский эквивалент — «Сегодня в порфире — завтра в могиле».

В немецком примере актуализируется концептуальный признак цвета rot как внешний вид здорового человека, а в русском варианте лексема «красный» исключается. Это сигнализирует о расхождении в вербальном оформлении и об этноментальных основах формирования лексико-семантических полей в русском и немецком языках.

В данных примерах делается акцент на специфику этноментального базиса русского и немецкого языков. Лаконично, ярко, образно формулируется лексический набор русской поговорки, где ощущается самобытно-патриархальный

дух «могучего» русского языка. Обе поговорки трактуют ситуацию оппозиционного формата: rot — tot; в порфире (т. е. царственной пурпурной мантии) — в могиле. Мы видим две диаметрально противоположные точки отсчета жизни.

В результате выполненного анализа было выявлено несколько концептуальных признаков и значений черного и красного цветов, которые отражают и рефлектируют некоторые из основных ценностей жизни человека, среди которых, при сравнении примеров из русского и немецкого языков, обнаружены концептуальные признаки цвета с полным и частичным совпадением и даже полным несовпадением. Это происходит потому, что «особенность языковой ментальности, охваченная концептами, координирует разные сферы мира и поэтому важно и очевидно то, как концепты рефлектируют мир» [9, с. 5].

Любая страна представляет социально-культурную среду — это ее этнокультурные традиции и история. Черный цвет в символике России и Германии актуализирует трагические события в истории обеих стран. В этом случае важно отметить «всеобщую природу человека как субстанцию культуры». Известно, что цвет может влиять на психическое состояние человека: радовать, раздражать, подавлять, поднимать настроение. Это фактически подтверждает мысль о том, что черный и красный цвета представляют разные лингвистические, но соотносимые между собой, концептуальные структуры. Следует также заметить, что обнаруженные нами концептуальные признаки цвета основаны на антропологическом и психическом состояниях человека, а также на фиксации его эмпирических фактов, поэтому предполагается субъективность когнитивного восприятия цветов.

Таким образом, имя цветов вообще и черного и красного в частности концептуально помещается человеком в пространство собственного бытия, собственной картины мира, в чем и находится объяснение некой неоднозначности представленных колоритов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Вежбицкая А. Понимание культур через средство ключевых слов / А. Вежбицкая. М., 2001.
2. Грабарь И. Э. История русского искусства / И. Э. Грабарь. Изд-во ИДДК, 2005.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О. А. Корнилов. М.: Че Ро, 2003. 349 с.
4. Леонтьев А. В. Язык, речь, речевая деятельность / А. В. Леонтьев. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
5. Лихачев Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачев // Русская словесность: антология. М.: Academia, 1997. С. 28-37
6. Маслова В. А. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие / В. А. Маслова; 2-е изд. Мн.: Тетра Системс, 2005. 256 с.
7. Павиленис Р. И. Язык. Логика. Философия / Р. И. Павиленис. Вильнюс, 1981. С. 143.

8. Ремарк Э. М. На западном фронте без перемен: книга для чтения на немецком языке / Э. М. Ремарк. СПб.: КАРО, 2005. 304 с.
9. Рябкова А. В. Лексико-семантическая таксономия фреймов «радость — печаль»: авторефер. дисс. канд. филол. наук / А. В. Рябкова. Тюмень, 2002. 17 с.
10. Тер-Минасова С. Г. Личность и коллектив в языках и культурах / С. Г. Тер-Минасова // Вестник МГУ. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003. № 2. С. 7-17.
11. Цветаева М. И. Воспоминание / М. И. Цветаева; 3-е изд. М., 1984, 733 с.
12. Шмелев И. С. Лето Господне / И. С. Шмелев. М.: Молодая гвардия, 1991. 651 с.
13. Barsalou L. W. Cognitive psychology: an overview for cognitive scientists / W. Barsalou. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1992. 410 p.
14. Goddard. G. Thinking Across Languages and Cultures: Six Dimensions of Variation / G. Goddard // Cognitive Linguistic. 2003. Vol. 14. Issue 2\3. Pp. 109-140.
15. Timm U. Die Entdeckung der Currywurst / U. Timm. Freising, Verlagsgesellschaft mbH. 2004, 104 с.

Alla V. RIABKOVA¹

**CONCEPTUALIZATION OF COLOR
IN THE RUSSIAN-SPEAKING
AND GERMAN-SPEAKING WORLD**

¹ Cand. Sci. (Phil.), Associate Professor,
Department of Foreign Languages and Intercultural
Professional Communication for Humanities,
Institute of History and Political Sciences,
Tyumen State University
ARIabkova@mail.ru

Abstract

This article introduces an approach to the issue of concept and conceptualization of colour features in the cross-cultural linguistic space.

Explication of conceptualization occurs in the process of psychic and information structure activity which reflects people's knowledge and experience. Alongside with the fact that people intrinsically have intelligence and individuality, they live and develop their personality in a definite society. While integrating into its culture they create their own linguistic world image. Therefore, learning the linguistic world image of any ethnic community happens simultaneously with learning ethnic cultures and mindsets.

Color conceptualization abounds in ethnocultural specific features which are formed through geographical, historical and social factors.

Color connotation is connected with the ethnic color mindset. The examples presented in the article are related to description of the conceptual color features (black and red) and their actualization by linguistic means. These examples demonstrate the existence of subjective perception of the color features mentioned above and which were formed in a definite ethnic society.

The relevance of the research is determined by growing interest for the color naming issue that is studied from different perspectives. Among them are structural and semantic, and cognitive approaches.

Citation: Riabkova A. V. 2016. "Conceptualization of Color in the Russian-Speaking and German-Speaking World". Tyumen State University Herald, vol. 2, no 4, pp. 67-77.
DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-67-77

The academic novelty lies in the comparative analysis of color naming based on Russian and German fiction texts via the concept and situation approach to ethnic-and-mental context interpretation.

The research might be applied in academic courses in cognitive linguistics, translation theory, culture study as well as in translation of fictional texts.

Keywords

World image, concept, actualization, ethnos, mind-set, color naming, interpretation.

DOI: 10.21684/2411-197X-2016-2-4-67-77

REFERENCES

1. Barsalou L. W. 1992. *Cognitive Psychology: An Overview for Cognitive Scientists*. Hillsdale, NJ: Erlbaum.
2. Goddard. G. 2003. "Thinking across Languages and Cultures: Six Dimensions of Variation." *Cognitive Linguistic*, vol. 14, no 2/3, pp. 109-140.
3. Grabar I. E. 2005. *Istoriya russkogo iskusstva [The History of the Russian Art]*. IDDK.
4. Kornilov O. A. 2003. *Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye natsionalnykh mentalitetov [Language World Images as Derivatives from National Mentalities]*. Moscow: Che Ro.
5. Leontyev A. V. 1969. *Yazyk, rech, rechevaya deyatelnost [Language, Speech, Speaking Activity]*. Moscow: Prosveshchenie.
6. Likhachev D. S. 1997. "Kontseptosfera russkogo yazyka" [Concept Sphere of the Russian Language]. In: *Russkaya slovesnost: Antologiya*, pp. 28-37. Moscow: Academia.
7. Maslova V. A. 2005. *Kognitivnaya lingvistika: ucheb. posobie [Cognitive Linguistics: Textbook]*. 2nd edition. Tetra Sistems.
8. Pavilenis R. I. 1981. *Yazyk. Logika. Filosofiya [Language. Logic. Philosophy]*, p. 143. Vilnyus.
9. Remark E. M. 2005. *Na zapadnom fronte bez peremen: kniga dlya chteniya na nemetskom yazyke [All Quiet on the Western Front: reading Book for Learning German]*. St. Petersburg: KARO.
10. Ryabkova A. V. 2002. "Leksiko-semanticheskaya taksonomiya freymov radost — pechal" [Lexico-Semantic Taxonomy of the "Joy — Sadness" Frames]. *Cand. Sci. (Philol.) diss. abstract*. Tyumen.
11. Shmelev I. S. 1991. *Leto Gospodne [The Summer of God]*. Moscow: Molodaya gvardiya.
12. Ter-Minasova S. G. 2003. "Lichnost i kollektiv v yazykakh i kulturakh" [Individual and Collective in the Languages and Cultures]. *Bulletin of Moscow University. Series 19. Linguistics and Cross-Cultural Communication*, no 2, pp. 7-17.
13. Timm U. 2004. *Die Entdeckung der Currywurst*. Freising: Verlagsgesellschaft.
14. Tsvetaeva M. I. 1984. *Vospominanie [Recollection]*. 3rd edition. Moscow.
15. Vezhbitskaya A. 2001. *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov [Understanding Cultures through Keywords]*. Moscow.